

УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Учение о перевоплощении – крайне болезненная для современного христианства тема. Уже давно ведутся споры о том, присутствовало ли данное учение в первоначальном христианстве. Обычно сторонники ортодоксальной, «правильно-славящей» доктрины в этих спорах ссылаются на решения Вселенских соборов и произведения «отцов Церкви». Но для реконструкции верований ранних христиан и, в частности, для ответа на вопрос – было ли учение о перевоплощении в первохристианстве, нужно обращаться не к источникам IV-VII вв. н.э., (как поступают церковные апологеты), а проанализировать тексты, созданные в первые два столетия этой религии. Главными писаниями этого периода являются, безусловно, тексты Нового Завета, но их рассмотрение выходит за рамки этой работы¹. Данная статья посвящена краткому анализу только одного текста того времени – трактата «Строматы» («Ковры»), написанного одним из крупнейших богословов раннего христианства – Климентом Александрийским.

Тит Флавий Климент большую часть своей жизни (примерно 150 – 215 гг. н.э.) провёл в Александрии Египетской, где возглавлял огласительное училище. Помимо подготовки в основах христианской веры перед крещением, в этом училище преподавали и светские дисциплины, в том числе и античную философию. После его смерти некоторые раннехристианские писатели называли Климента святым, но в православные святцы он включён не был. Климент Александрийский написал нескольких работ, «Строматы» – самая значительная из дошедших до наших дней. В этом трактате апологет излагает как основы христианской веры, так и начала гнозиса – тайной устной традиции, идущей от Самого Иисуса Христа.

Ко времени Климента в христианстве уже оформился разрыв между гностицизмом и нарождающейся ортодоксией. Климент в этом противостоянии занял особую позицию: он достаточно жёстко критикует «лже-знание» различных гностических школ, но при этом пытается ознакомить читателя с основами истинного гнозиса – особой устной традицией, сохраняющейся в Церкви немногими избранными. По утверждению апологета, этот гнозис не вошёл в канонические писания Нового Завета – Евангелия и послания апостолов. «...Наивысшее познание, передаваясь из рода в род, **без посредства каких-либо особых писаний** и ранее всех сообщённое немногим из апостолов, дошло по преемству, **идо нас**». Делает он это умышленно отрывочно и малопонятно. «Кое-что здесь **буду я проходить** молчанием или **намёком**. Но и из этих вещей на одних остановлюсь более подробно, о других же напомним одним их именем». Причина: неподготовленность большинства читателей к тайному знанию мистического христианства: «А некоторые вещи, даже и приходившие на память, я намеренно опускал, **боясь записать то, о чём и говорить остерегался**... из опасения, как бы своих слушателей не ввести в заблуждение и не заслужить упрёка, что я, по пословице, даю младенцу меч». Одним из аспектов этого тайного устного знания является учение о перевоплощении, о котором Климент сообщает кратко, «намёком», и понять его может только подготовленный читатель.

Но прежде нужно сказать, что Климент Александрийский был сторонником учения о предсуществовании душ. Согласно ему, бессмертный центр человека, возникает не в момент зачатия, а гораздо раньше, ещё в Царстве Бога. Это бессмертное начало, которое Климент называет душой, а сейчас принято называть духом, оказывается ниспавшим в этот мир и после смерти у него появляется шанс вернуться в своё небесное отечество. Учение о предсуществовании душ было предано анафеме на V Вселенском соборе в 553 году. Для Климента, жившего на четыре столетия раньше этого собора, предсуществование духовной сердцевины человека было само собой разумеющимся, и он многократно говорил об этом на страницах «Стромат».

«Сотворены же **мы** и введены в этот мир с тем, чтобы быть верными исполнителями заповедей, если только хотим наследовать спасение». Согласно этому высказыванию Климента, люди созданы за пределами этого мира, в который их специально «ввели».

Учение о предсуществовании содержится в следующих словах апологета: «Дни наши на этой земле хотя и оканчиваются смертью, однако же они **составляют часть жизни**, текущей в вечность». Земные жизни есть не начало, а какой-то отрывок – «часть», бесконечно более долгого существования. Завершаться же «текущие в вечность» жизни тем, что «...существа, ныне смешанные с материальным миром, вернутся **в своё исходное состояние**».

Полемизируя с валентинианами – гностиками-еретиками, Климент упрекает их: «...Должны были они (архонты – А. Л.) знать об ожидающем человека блаженном состоянии в Плероме². К тому же они, без сомнения, знали и то, что человек представляет подобие своего первообраза... и что **душа человека погибнуть не может**».

Другое свидетельство в пользу предсуществования: «...Пётр, видя супругу свою ведомой на казнь, возрадовался **её призыванию в вышние селения и возвращению домой**». «Домом» – местом исходного возникновения душ, здесь называются «вышние селения», то есть Царство Небес (в синодальном переводе употребляется «Царствие Небесное», но Царство Небес – более правильный вариант – А. Л.). Отсюда следует, что души существовали в блаженном состоянии, а затем по какой-то причине «выпали» из своего небесного дома в этот поражённый грехом и страданием мир. Соответственно, спасение душ есть избавление от этого мира и восстановление их в первоначальном состоянии.

Христиане I века н.э. исповедовали восстановление (по-гречески: апокатастасис) – спасение всех без исключения людей «в конце времён» и даже соединение с Богом «всей твари». (См. Евангелия: Мк 9:49; Мф 18:14; Ин 1:9, 3:17, 6:3, 12:32; апостольские послания: Рим 5:18, 11:32; 1Кор 15:28; 2Кор 4:19; Ефес 1-10; Кол 1:19-20; 1Тим 2:3-4, 4:10; Евр 2:9, 11:15). Климент тоже учил о восстановлении душ: «...Только тех из них (душ – А. Л.), кто по своей

близости к Богу был «чист сердцем», ожидает восстановление в созерцании Невидимого». Но «только» относится к этой земной жизни, которая (как будет сказано ниже) может многократно повториться. И в итоге спасутся все: «...Он (Христос – А. Л.) печётся обо всём **без исключения**. Это согласно и с Его существом, ибо Он есть Господь вселенной и **Спаситель всех людей, а не только некоторых из них**».

Из идеи предсуществования следует, что жизнь души начинается не с момента зачатия и должна закончиться восстановлением в Царстве Небес. Но большинство людей не являются «чистыми сердцем» праведниками, как же они смогут вернуться в своё «небесное отечество»? Они будут прощены и получают блаженство «просто так», не будучи готовыми к нему, и даже не веря в Бога? Нет, к спасению требуется свободная воля, о чём писал и Климент: Бог «поощряя **свободный выбор**... вдохновляет избравших благую жизнь и даёт им силу для того, чтобы они самостоятельно завершили путь к спасению». Остаётся только один вариант: чтобы спастись, всем нужно прожить несколько жизней в разных воплощениях, за которые они достигнут уровня необходимого духовного совершенства.

Это следует и из другого высказывания Климента на тему восстановления-апокатастасиса: «Целью рождения является научение и **познание**, а целью гибели – последующее восстановление». Люди рождаются, чтобы научиться гнозису, т. е. приобрести духовный опыт и после смерти восстановить себя в Царстве Небес. Но достаточный для спасения духовный опыт в течение одной жизни приобретают очень немногие. Значит, большинство людей не смогут за одну жизнь достигнуть восстановления и их ждёт новая попытка духовного научения – во время нового воплощения на земле.

Но Климент Александрийский не ограничивается косвенными указаниями на перевоплощение, он прямо описывает его. Первое высказывание апологета на эту тему оказывается нарочито «тёмным». «...Что касается вопроса: переходит ли душа из одного тела в другое и в чём состоит участие демона при сём, то мы рассудим о сих предметах в другое время». Кажется, что апологет уклоняется от ясного – положительного или отрицательного, ответа на свой же вопрос. Однако если бы он был противником учения о перевоплощении, ничего не помешало бы ему прямо заявить об этом.

Мало того, в этой краткой реплике, по сути, содержится признание перевоплощения. Климент сообщает, что демоны играют какую-то роль «при сём» - посмертном возвращении души на землю в новое тело. Следовательно, Климент признает перевоплощение, но происходит оно из-за враждебных человеку потусторонних сил. Перевоплощение оказывается злом и цель человека – прервать свои рождения в мире страданий и оторванности от Бога.

Это полностью соответствует раннехристианскому пониманию спасения, целью которого было избавление человека от жизни в этом мире-«веке». Апостол Павел писал, что Спаситель «отдал Себя Самого... чтобы **избавить нас от настоящего лукавого века**». (Гал 1:4). Поскольку все мы неизбежно умрём, то избавление от «века» – жизни в этом мире и спасение оказывается прекращением новых воплощений. Вместо рождения в мире страдания душа – вечное начало человека переходит в Царство Небес. Именно этому и препятствуют демоны, которые существуют за счёт поработанных этим веком человеческих душ.

В чём конкретно состоит роль демона при перевоплощении – в «Строматах» в дальнейшем прямо не поясняется. Но мы можем это узнать из важнейшего гностического текста - «Апокриф Иоанна». Согласно ему, душу, не знающую пути спасения и не освободившуюся от «дел лукавства», после смерти³ ждёт следующее: «И после того, как она выйдет (из тела), её отдадут властям, тем, которые произошли от архонта, и они сковывают её оковами и бросают её в темницу (тела – А. Л.) и кружат её (в круге перевоплощений – А. Л.) до тех пор, пока она не пробудится от забвения и не достигнет знания». «Властями» здесь называют потусторонние злые силы, воздействующие на человеческую душу и порождающие страсти – «двигатель» греха. Проявления и действия властей многообразны, но они объединяются в некую силу, порождающую зло. Её персонификацию принято называть сатаной (по-еврейски «противник», «противоречащий») или дьяволом (по-гречески «клеветник»). Первые поколения христиан и сторонники гностической традиции называли источник зла «архонтом», что в переводе с греческого означает «князь», «властитель». Тем самым они подчёркивали его самое значимое для человека свойство: удерживать в своей власти человеческую душу. Архонт-сатана господствует над этим миром и является его «держателем» - по-гречески космократором (Ефес. 6:12). При этом архонт есть как бы сумма порожденных им «властей»⁴. Христос называл хозяина мира и врага человека именно архонтом – «князем» (см. Ин. 12:31, 14:30, 16:11), также сатану называли гностики.

Климент описывает процесс перевоплощения как наказание за грехи: «Люди же порочные, не желающие ни к чему себя принуждать, возрадившие в себе дурные склонности и с тех пор неспособные с ними совладать, будучи покинуты поддерживающей их рукой, носятся туда и суда, лишённые божественной поддержки, **волнуемые бурей страстей**, и, наконец, **низвергаются на землю**».

Согласно апологету, все люди после смерти пытаются пройти потустороннее «пространство», разделяющее душу и Царство Небес, где действуют силы сатаны. О восхождении души через царство «князя господствующего в воздухе» (по определению апостола Павла, Ефес. 2:2) учили христианские мистики и гностики. Порочные люди, согласно Клименту, поддаются под влияние «бурь» собственных страстей и низвергаются на землю для нового воплощения. Страсти, в свою очередь, порождаются демонами, о которых упоминал апологет, или, как их называли гностики, «властями». Эти «власти», порождавшие страсти во время земной жизни, после смерти открываются душе в виде устрашающих образов. И «волнуемая бурей страстей» душа грешника, не заботившаяся при жизни о приобретении добродетели и духовного опыта, не может прорваться через «стоящую посреди преграду» (Ефес 2:14), созданную сатаной. Низвергнутая на землю, она, по-прежнему отделённая от Бога, начинает жизнь в новом образе.

Но возвращение на землю не означает прекращения процесса спасения. Каждая жизнь обогащает перевоплощающееся духовное существо (которое Климент предпочитает называть «человеком»), и оно постепенно восходит к Богу. «Различаясь и образом перемены, и временем, и местом, и достоинством, и уделом в наследии, и служением, каждое из этих спасительных изменений **постепенно возводит человека** к пребыванию близ Господа в вечном созерцании... Итак, дело спасительной правды в том, чтобы каждого по возможности возводить постоянно к лучшему. К лучшему и прочному благу – **сообразно их устройению** – возводятся и более слабые. Ведь всё добродетельное тотчас (после смерти – А. Л.) переходит в лучшие обители, и причина этого – самовластный выбор, которым наделена душа. **А вразумляющие наказания** – и через внимающих (Богу) ангелов, и через многообразное предпочтение (доброто), и через окончательный суд – по благому всевидящего великого Судии **заставляют покаяться** и дошедших до бесчувствия».

Итак, «образы»-личности, порожденные перевоплощением, различаются временем и местом своего существования на земле, «достоинством» - социальным положением, «служением» - задачами духовного роста, и «уделом в наследии» - уровнем духовного развития. Проживая жизни-воплощения, душа совершает «многообразные предпочтения доброты», постепенно накапливает в себе доброты и восходит, через воплощения, «постоянно к лучшему». В итоге, достигнув необходимого уровня духовного совершенства, душа переходит в «лучшие обители» Царства Небес. «А для душ, ежедневно трудившихся над своим улучшением и усовершеншением через воспитание в себе доброты качеств и приумножение правдоты, они (доброты – А. Л.) назначают наилучшую обитель как достойное воздаяние...».

Переходя из одного «образа» в другой, душа не только изживает свою склонность к злу, возникшую в результате падения, но и выполняет череду ролей, назначенных ей Богом в этом мире. «Безупречно исполняющий драму жизни», - **ту, которую ему определит Бог**, знает, что ему должно совершить и что претерпеть». Отсюда следует, что воплощение есть исполнение каждым человеком своей особой роли в «мире сём». Начиная с самых примитивных и греховных ролей в драме жизни, душа неизбежно заканчивает свое восхождение «ролью» святого. Климент утверждает, что «свободные от страхов, достигшие предела земного совершенства, не нуждающиеся в дальнейшем очищении, **завершившие все служения**, в том числе святые и совершаемые среди святых, правдоты души **получают** заслуженные ими почести и **воздаяния**».

Помимо социальной роли, каждый «образ»-личность выполняет и особое «служение», цель которого – повысить духовный уровень души и искупить её «долги», накопленные за прошлые воплощения. И, чтобы достигнуть спасения, нужно пройти все необходимые перевоплощения и завершить **все** необходимые «служения». Но от долгой и мучительной череды «служений»-воплощений освобождают знание и благодать, которые утвердил на земле Христос. При поддержке Его Духа (см. Фил 1:19) человек сознательно стремится победить власть греха и вырваться из «лукавого века сего». «Возводя душу к... совершенству, оно (знание-гнозис – А. Л.) освобождает её от необходимости очищать себя иным способом, **избавляет её от различных служений**». Без гнозиса человек также спасается, но «иным способом» - пройдя через страдания земных жизней, заставляющие человека совершать «многообразные предпочтения доброты».

Исполняя свои «роли» и «служения», люди проходят примерно одни и те же ступени духовного восхождения. Они оказываются солидарны между собой во всех радостях и горестях, грехах и доброты земной жизни. Судьба каждого оказывается лишь ступенькой «лестницы на Небеса», которую прошли, проходят или пройдут все остальные люди. Каждая душа, пройдя через страдания, возвратится в Плерому. Это восхождение через разные «образы» и «служения», по мнению Климента, спасает всех, даже «дошедших до бесчувствия». Таким образом, разрешается противоречие: как может произойти спасение всех (о чем многократно говорил Христос), если лишь немногие люди стремятся к нему? Только через перевоплощение.

Но, достигнув Царства Небес, человек-дух продолжает свое поэтапное восхождение и в блаженном инобытии. Климент неоднократно описывает это восхождение. «...Люди благочестивые, влекомые Святым Духом, будут вселяться: одни – в первую обитель, другие – в следующие, и так до самой последней». «Святые и причётные к другим святым, совершенные из совершенных, **падают они из лучших мест в наилучшие**, где предаются созерцанию божественных вещей... и **созерцают Божество явственно и отчетливо**, словно при солнечном освещении, никогда не пресыщаясь этим созерцанием». «Он (гнозис – А. Л.) легко приводит душу к тому, что сродни душе, к божественному и святому, и, просвещая своим светом, ведёт человека по ступеням мистического совершенствования до тех пор, пока, очищенный от малейшей скверны, не возведён будет в высшие обители покоя, где он научится созерцать Бога «лицом к лицу» сознательно и с полным пониманием... А те, кто достиг предельно возможного для живущих во плоти совершенства, переходя (после смерти – А. Л.), как и подобает им, к лучшему, устремляются через святую седмицу (семь «небес» Плеромы, уровни блаженного инобытия – А. Л.) в Отчий двор, поистине Господне жилище, и становятся там светом пребывающим и вечным...».

Учение о перевоплощении, изложенное Климентом в «Строматах», противоречит традиционному церковному догмату о спасении. Согласно ему, после смерти получает награду или наказание «образ»-личность, «Я». Правдоты люди попадают в рай, где пребывают в неизменном блаженстве. Грешники (таких подавляющее большинство) идут в ад, и тоже навечно. О посмертной судьбе души - «частицы Бога» или «подобия Первообраза», в ортодоксальном христианстве ничего не говорится. Неужели «образ Божий», носителями которого являются все люди, в том числе и нераскаившиеся грешники, после смерти навечно идёт в ад?

Другой вопрос: если мы признаем перевоплощение, то каждый новый «образ», новая личность как бы отменяет, зачёркивает все предыдущие. Неужели они гибнут? Тогда зачем человеку-«образу» стремиться к спасению, ведь продолжит существование только какая-то его часть, не имеющая к "Я" прямого отношения?

Климент Александрийский не даёт развернутого описания посмертной судьбы личности-«образа», но отличает её от души – «частицы Бога». «Десять же частей человеческого существа таковы: тело, **душа**, пять чувств, производительная сила, **мыслительная** или духовная **способность**». «Мыслительная способность», являющаяся как бы основой для личности-«Я», по мнению апологета, отдельна от души. Что же, по мнению апологета, происходит с "образом" после смерти?

Климент Александрийский не сообщает о посмертной судьбе личности-«Я». Но его взгляды можно реконструировать по одному из немногочисленных высказываний о посмертном будущем человека. «То, что говорилось о сне, может быть сказано и о смерти. И тем, и другим состоянием изображается **самоуглубление души**; смерть есть **полный его образ**, сон ослабленный». Здесь, говоря о душе, Климент подразумевает душу-личность, «образ», погружающийся после смерти в собственную внутреннюю вселенную. Вечное начало человека, даже перевоплотившись, сохраняет жизнь «образу», но уже в каком-то новом качестве. Мы можем предположить, что она определяется итогами земной жизни, и состоит из образов её добродетелей и страстей. Такое существование не для всех будет приятным, ведь, если верить мистикам разных религий, в посмертных видениях грехи человека принимают устрашающий образ и приносят своему породителю-«Я» большие страдания. Вечная душа же, не сумевшая в земной жизни освободиться от власти мира сего, идет на новое воплощение.

Конечно, здесь я дополняю лаконичное и осторожное высказывание Климента, не желавшего разглашать тайны гнозиса. Но основой для такой реконструкции служат тексты раннехристианской мистики. В частности, о сохранении душой всех порожденных ей образов, сообщает Евангелие от Фомы - один из самых ранних текстов христианства⁵. «Иисус сказал: Когда вы видите ваше подобие, вы радуетесь. Но когда вы увидите образы, которые произошли до вас, - **они не умирают**, и не являются (больше не рождаются – А. Л.) – сколь великое [удивление – А. Л.] вы перенесёте?» (88-я логия). Из слов Спасителя следует, что «образы»-личности, не прекращают существовать после физической смерти, но уже и не приходят в мир для новой жизни. Их посмертная участь есть погружение в внутреннюю вселенную души.

Окончательно ли это погружение? Учение о спасении всех – апокатастасис, исходящее от Самого Христа, свидетельствует, что нет. «И когда **Я** вознесён буду от земли, **всех привлеку к Себе**» (Ин 12:32). Всеобщее спасение проповедовал и Климент Александрийский, когда описывал восхождение души по лестнице духовного совершенствования. Личность-"образ", достигшая её вершины, избавляет от страданий всю цепочку её предшественников. Спасаящий себя святой, последний в эстафете воплощений, воскрешает все предыдущие ему «образы» и возводит их в вечное царство Бога.

Примечания:

¹См. мою работу «Послания из лукавого века...», журнал «Свет. Природа и человек», №5 за 2002 г.

²Плерома – по-гречески, «полнота», область блаженного бытия, вмещающая в себя все «границы» божественного совершенства. Плерома состоит из различных эонов - «веков», уровней проявленности Бога. Климент и другие «церковные» гностики учили о восьми уровнях Плеромы: «святая седмица и отчий двор», другие гностические школы провозглашали 12 или 30 эонов. Плерому в ортодоксальном христианстве принято называть «Царством Небесным» (правильнее – Царство Небес).

³Согласно апокрифу, помимо перевоплощения существует и ад – для наказания самых согрешивших душ. Те же души, которые научились пути спасения и следовали добродетели, после смерти «не бросают в другую плоть», и они уже не возвращаются в этот мир.

⁴«Власти», как и «начала», «силы», «господства» – обозначали в первохристианском учении духовных врагов человека. Они часто упоминаются, в частности, в посланиях апостола Павла. Но уже в конце II века н.э. данные термины исчезают из текстов ортодоксального христианства и заменяются «демоном», заимствованием из мистики античного язычества. Это можно объяснить только отвержением ортодоксией гнозиса. Термин «демон» употребляет и Климент.

⁵Это Евангелие было обнаружено в 1945 году среди гностических текстов, которые принято называть по месту находки «библиотекой Наг-Хаммади». Сейчас большинство исследователей Евангелия от Фомы датируют его написание примерно в середине I в. н. э., раньше канонических Евангелий Нового Завета (см., например, работы Дж. Кроссана и Х. Кестера). По моему мнению, этот текст записан со слов Иисуса еще во время Его земного служения (примерно 28-31 гг. н. э. См мою работу "О датировки Евангелия от Фомы. Гностицизм и проповедь Иисуса".